

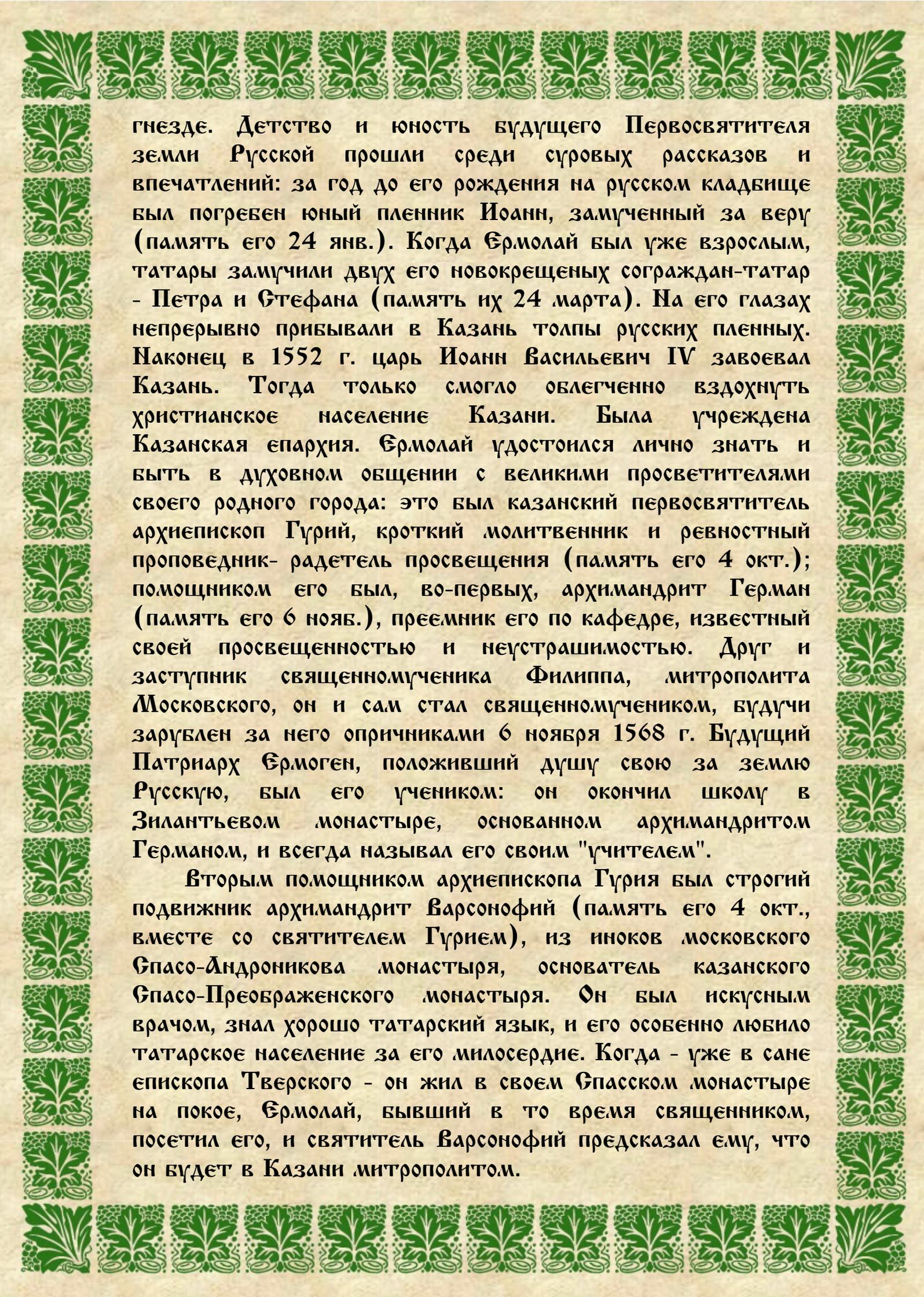
СВЯЩЕННОУЧЕНИК ЕРМОГЕН
ГЕРМОГЕН,
ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ И
ВСЕЯ РОССИИ, ЧУДОТВОРЕЦ

(† 1612)

Память его празднуется 17 февр. в день преставления, 12 мая в день прославления и 5 окт. вместе с Собором пяти московских святителей и всея России чудотворцев.

После свержения татарского ига (1480) и падения Золотой Орды на Волге образовались небольшие ханства: Казанское и Астраханское. Оттуда татары совершали набеги на Русь, грабили и уводили пленных. Будущий Патриарх всея России Ермоген (Гермоген) родился в Казани в 1530 г. и был наречен во святом Крещении Ермолаем. Отец его принадлежал к тем отважным русским людям, которые не боялись селиться в этом разбойничьем

A decorative border with a repeating green floral pattern surrounds the text. The pattern consists of stylized leaves and flowers in a repeating sequence.

гнезде. Детство и юность будущего Первосвященника земли Русской прошли среди суровых рассказов и впечатлений: за год до его рождения на русском кладбище был погребен юный пленник Иоанн, замученный за веру (память его 24 янв.). Когда Ермолай был уже взрослым, татары замучили двух его новокрещенных сограждан-татар - Петра и Стефана (память их 24 марта). На его глазах непрерывно прибывали в Казань толпы русских пленных. Наконец в 1552 г. царь Иоанн Васильевич IV завоевал Казань. Тогда только смогло облегченно вздохнуть христианское население Казани. Была учреждена Казанская епархия. Ермолай удостоился лично знать и быть в духовном общении с великими просветителями своего родного города: это был казанский первосвященник архиепископ Гурий, кроткий молитвенник и ревностный проповедник-радетель просвещения (память его 4 окт.); помощником его был, во-первых, архимандрит Герман (память его 6 нояб.), преемник его по кафедре, известный своей просвещенностью и неустрашимостью. Друг и заступник священномученика Филиппа, митрополита Московского, он и сам стал священномучеником, будучи заручен за него опричниками 6 ноября 1568 г. Будущий Патриарх Ермоген, положивший душу свою за землю Русскую, был его учеником: он окончил школу в Зилантьевом монастыре, основанном архимандритом Германом, и всегда называл его своим "учителем".

Вторым помощником архиепископа Гурия был строгий подвижник архимандрит Варсонофий (память его 4 окт., вместе со священником Гурием), из иноков московского Спасо-Андроникова монастыря, основатель казанского Спасо-Преображенского монастыря. Он был искусным врачом, знал хорошо татарский язык, и его особенно любило татарское население за его милосердие. Когда - уже в сане епископа Тверского - он жил в своем Спасском монастыре на покое, Ермолай, бывший в то время священником, посетил его, и священник Варсонофий предсказал ему, что он будет в Казани митрополитом.

Под влиянием тяжелых впечатлений ранней юности и быстро прошедших благодатных годов молодости и сложился облик будущего Патриарха всея России - священномученика Ермогена.

В 1579 г. страшный пожар опустошил Казань. В это время о. Ермолай в сане протопопа был настоятелем Никольской Гостинодворской церкви. Находилась она в торговой части города, которая усердно посещалась "гостями", то есть купцами из разных стран Европы и Азии, и о. Ермолай имел возможность присмотреться к чужеземцам и изучить их отношение друг ко другу, что оказалось столь важным для его последующей государственной деятельности.

После пожара, который начался с дома стрельца Онучина, девятилетней его дочери Матроне явилась во сне Пресвятая Богородица, открыла ей, что под развалинами их дома находится Ее чудотворный образ, и указала место, где его найти. Сначала родители не обратили внимания на рассказ ребенка, но чудесное явление повторилось трижды, причем в третий раз оно сопровождалось угрозами. Тогда мать повела Матрону к митрополиту Казанскому Иову и объявила ему о бывшем ее дочери чудесном явлении. По благословению митрополита все духовенство города в сопровождении огромной толпы народа направилось к дому Онучиных. Сейчас же начались раскопки, но найти святую икону не могли. Тогда копать начала Матрона - и немедленно обрела икону. Она была необыкновенной красоты и сияла свежими красками, точно только что была написана. Митрополит благословил Матроне извлечь ее из земли и, взяв на руки, передал о. Ермолаю как старейшему и наиболее почитаемому городскому священнослужителю. Приняв с благоговением святую икону, о. Ермолай высоко поднял ее над головой и в сопровождении всего крестного хода понес на городскую площадь, где и осенил ею на четыре стороны весь собравшийся народ. Тропарь новоявленной иконе Божией Матери Казанской и историю

ее явления написал о. Ермолай. Тропарь "Заступнице усердная" знала вся Святая Русь.

Медленно восстанавливалась разрушенная Казань. В это время овдовевший о. Ермолай принял постриг, с наречением ему имени Ермоген, в московском Чудовом монастыре - месте будущего подвига. Его немедленно возвели в сан архимандрита и назначили настоятелем Спасо-Преображенского монастыря, который также пострадал от пожара и требовал восстановления. Но в 1589 г. скончался митрополит Казанский Иов, и на Казанскую кафедру был назначен архимандрит Ермоген.

Новый святитель с ревностью продолжал труды своих великих предшественников. Он возобновил почитание свв. мучеников Казанских Иоанна, Петра и Стефана, составил летопись христианской Казани; основал много церквей и монастырей, и в числе их женский монастырь в честь иконы Божией Матери Казанской на месте ее обретения, причем юная Матрона Онучина вступила в число ее сестер и стала потом его настоятельницей. Через несколько лет

святитель Ермоген поехал в Углич открывать мощи св. благоверного князя Романа (память его 23 февр.). В это время в России произошли важные события. В 1591г. был убит в Угличе брат царя Феодора Иоанновича, последнего царя из рода Рюриковичей, - царевич Димитрий, наследник русского престола; а в 1598 г. скончался сам царь Феодор. Наследовавший ему царь Борис Годунов умер в 1605 г., и в том же году был убит его юный сын, царь Феодор. Тогда на русский престол вступил самозванец, известный под именем Лжедмитрия I, потому что он выдавал себя за убитого царевича Димитрия. Жену свою Марину из рода Мнишков, польку и католичку, он желал короновать, но натолкнулся на сильное

противление митрополита Казанского Ермогена, так как русская царица должна была быть православной. Через год, в 1606 г., Лжедмитрий был убит, и царем был провозглашен князь Василий Шуйский, а митрополит Ермоген возведен в сан Патриарха всея России вместо ставленника Лжедмитрия - славовольного Патриарха Игнатия, родом грека. В это время в Старицком монастыре жил на покое сведенный с падением Годуновых с патриаршего престола первый Патриарх всея России Иов.

Став Патриархом, святитель Ермоген восстановил в Москве сгоревшую книгопечатню, начал исправление богослужебных книг, велел переводить их с греческого, писать летописи и сам лично следил за печатанием. Было напечатано Святое Евангелие и Жития святых от сентября до декабря. Он занимался в

богатой библиотеке Чудова монастыря и написал историю канонизации митрополита Московского Алексия. Творения его, напечатанные в 1913 г., свидетельствуют о его глубоких познаниях богословских и исторических. Он был талантливый проповедник, только голос его был глухой и слабый. Много он потрудился и в упорядочении церковной жизни.

Святейший Ермоген разделял с царем Василием Шуйским труд по управлению Россией, но нравственной связи у царя с народом не было. Он был провозглашен

царем небольшой кучкой своих сторонников, и голоса всей земли не было за ним. Слабый, нерешительный, он не имел ни одного достоинства для привлечения народной любви. Патриарх знал все это, но в то же время понимал, что Василий IV Иоаннович все-таки законный царь, и всеми мерами старался его поддерживать.

Тяжелое время переживала тогда Русь: не успел царь Василий IV вступить на престол, как распространился слух, что Лжедмитрий спасся от смерти, и в Новгороде-Северском началось восстание; оно стало быстро распространяться. Мятежники под водительством Ивана Болотникова и князя Шаховского шли на Москву. В это время одному священнику было откровение, что за покаяние Господь помилует Русь. Патриарх назначил особые моления и пост, и неожиданно отряд стрельцов в 200 человек разбил главные силы мятежников. Но надлежало разрешить народ от анафемы, которою связал его Патриарх Иов за нарушение присяги дому Годуновых и за убийство юного царя Феодора Борисовича. По

приглашению Святейшего Ермогена бывший Патриарх Иов приехал в Москву. Оба Патриарха совместно выработали чин покаяния. В Успенском соборе Святейший Ермоген в полном облачении стал на своем месте, а рядом с его кафедрой стал бывший Патриарх Иов, в бедной иноческой рясе. Все плакали, когда архидиакон читал акт народного покаяния и разрешения Патриарха

Иова. Потом к нему обратился царь и народ. - "Прости нас, прости и благослови". И Иов простил. "Чада, - сказал он, - молю вас больше такого не чинити и клятвы ваши не преступати..." Однако же через 2 месяца восстание началось опять. Мятежники были разбиты. Патриарх Еромоген настаивал, чтобы был взят Новгород-Северский, где в то время появился Дзедимитрий II, и самое гнездо мятежа в корне уничтожено. Но царь, по вялости своей, его не послушал, и новый Дзедимитрий появился под самой Москвой и основал свой лагерь в подмосковном селе Түшине, откуда и прозвище его - Түшинский вор. Оттуда его шайки делали разбойничьи набеги в самую глүвь России, а одна из них, под водительством Гапеги, осадила Троице-Сергиеву лавру. С трудом удалось Патриарху добиться, чтобы осажденным была послана небольшая помощь. В то же время, вопреки его советам, был сделан новый промах: царь заключил союз с королем шведским Карлом IV, личным врагом польского короля Сигизмунда, у которого он отнял наследственный шведский престол, а результатом этого союза был поход Сигизмунда против России.

Началась полная разруха: часто в одной и той же семье одни были за царя Василия, а другие за Түшинского вора. Марина Мнишек признала его своим мужем и убежала к нему в Түшино. Патриарх боролся со злом увещаниями, проповедями и, наконец, отлучениями, что было самым сильным оружием в руках его. Поляки отрезали подвоз продовольствия к Москве, и начался голод. Цены страшно поднялись. Патриарх приказал продавать народу по низкой цене лаврские запасы ржи, которые были в Москве, но этого было мало. Началось возмущение против Шүйского. Часто в сопровождении своего сотрудника, старицкого архимандрита Дионисия (память его 10 мая), Патриарх выходил к толпе и успокаивал ее. Одно время казалось, что положение улучшается: народный любимец - молодой воевода князь Михаил Васильевич Скопин-Шүйский очистил весь север России от түшинских

шаек и освободил лавру (см. 13 янв., житие прп. Иринарха).

Вор бежал в Калугу. Поляки от него отказались, но непонятная скоропостижная кончина князя Михаила и поражение русских войск, посланных на освобождение осажденного Смоленска, решили судьбу Шуйского. Вспыхнул страшный мятеж, - его низложили и насильно постригли в монахи. Обеты вместо него произносил князь Тюфякин. Это кощунство, против которого он был бессилен, страшно возмутило Патриарха, который никогда не хотел признавать иноком царя Василия, а признавал бы таковым Тюфякина. "Я тебя освобожу от монашеской рясы", - говорил он. Бывшего царя заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь. Таким образом, Патриарх Ермоген стал начальным человеком на Руси. Но самые мрачные предчувствия его осуществились. Смута на Руси дошла до крайности. В Москве образовалось временное правительство из бояр, которому предстоял выбор между требованиями короля Сигизмунда и Вора. Но Вор был открытым противником всякого порядка, и за него стояла голытьба. Поэтому бояре склонились на сторону поляков и избрали царем королевича Владислава, сына Сигизмунда. Патриарх протестовал: он хотел видеть царем юного Михаила Феодоровича Романова, сына архиепископа Ростовского Филарета - в миру Феодора Никитича Романова, племянника первой жены Иоанна Грозного, царицы Анастасии, - но бояре настояли на своем.

Был подписан договор, по которому Владислав избирался русским царем под непременным условием принять православие, а поляки обещали неприкосновенность православной веры и русских обычаев. Патриарх уступил скрепя сердце: он не верил в искренность бояр. После принесения присяги в Успенском соборе к Патриарху подошли под благословение во главе с Салтыковым бояре, тайные сторонники Сигизмунда, подписавшие договор, но Патриарх подозревал их намерение: он дал им благословение лишь под условием,

что они не будут посягать на целостность земли Русской и на Православную Церковь. "Иначе, - сказал он, - проклятие нашего смирения да будет с вами!" Галтыков проливал притворные слезы и клялся в своей искренности. Патриарх смягчился и благословил, но, увидев среди них убийцу царя Феодора Годунова, приказал выгнать его из церкви. После этого поляки прогнали Вора в Калугу, но бояре под предлогом, что в Москве может начаться восстание, решили впустить польское войско в город.

Патриарх боролся против них, сколько мог; он собрал на заседание служилых людей и дворян, своих сторонников, и представителей среднего класса; спорили долго, но мнение бояр победило, и опять Патриарх должен был против своей воли уступить.

Тщетны были также его усилия спасти бывшего царя Василия Шуйского, которого решено было отправить пленником в Польшу, где он и умер. А к Сигизмунду было отправлено под Смоленск посольство с митрополитом Ростовским Филаретом и князем Голицыным во главе. Наказ послам был дан самим Патриархом. Но как только они прибыли, им стало ясно, что ни одной статьи договора поляки не исполнят. Об обращении Владислава в православие не было и речи; впрочем, поляки решили заставить русских присягнуть не ему, а самому Сигизмунду, который уже смотрел на Русь как на свою собственность и раздавал в ней земли своим сторонникам. Кончилось тем, что митрополита Филарета и князя Голицына за их непоколебимость подвергли заключению и стали требовать сдачи Смоленска, который защищал боярин Шеин. Послы добились разрешения послать за инструкциями в Москву. Но там поляки вели себя как завоеватели и оскорбляли религиозное чувство русских. В Москве составилось временное правительство из бояр, но исключительно сторонников Сигизмунда, получавшее распоряжения от него непосредственно. Неудивительно, что они решили во всем уступать королю.

Патриарх, однако, пригрозил им анафемой и сказал, что если Владислав не примет православия, то он освободит всех русских от присяги и прикажет городам подняться против Москвы. Салтыков замахнулся на него кинжалом. Тогда Патриарх возвысил голос. "Не боюсь я твоего кинжала, - сказал он. - Вооружаюсь на него силою Святого Креста. Будь проклят с твоими сообщниками и тем, кого ты желаешь". Салтыков испугался, чтобы об этом не узнали в народе, и испросил прощение. Это произошло 1 декабря. На другой день Патриарх собрал у себя представителей посадского мира и объяснил им положение вещей, - решили королю не покоряться. 23 декабря послы получили ответ от временного правительства из Москвы, но подписи Патриарха, "начального человека", в нем не было, и митрополит Филарет, и князь Голицын отказались его признать.

Между тем под тяжелым давлением иноплемеников стали пробуждаться нравственные силы народа. В это время вышла "Новая Повесть" неизвестного автора, открыто призывавшая народ к вооруженному восстанию. "Что вы стали? - пишет он. - Что вы оплошали? Или вы хотите, чтобы тот великий столп вам повелел святыми своими устами восстать против врага и

пролить кровь? Но этого, - поясняет автор повести, - ему не позволяет его священный сан".

Однако же Святейший Ермоген именно это и сделал. Как и все русские люди, он понимал, что этот вопрос разрешить можно только оружием. И он обратился с призывом к народу и в город, кроме Китай-города и Кремля, где они затворились с боярами. Патриарха же заключили в монастырь под польскую стражу. В это время

ополчение уже подошло и начало осаду Кремля и Китай-города. Поляки стали грозить Патриарху, что уморят его, если он не прикажет ополчению уйти. Он ответил: "Что вы мне грозите? Я боюсь одного Бога. Если вы уйдете, я им прикажу уйти, разойтись, а иначе прикажу остаться и умереть за веру. Вы мне обещаете жестокую смерть, но через нее я надеюсь получить венец. Давно я уже желаю пострадать за истину". Тогда поляки заточили его в тесный погреб в Чудовом монастыре и выдали его злому его врагу - Салтыкову, который стал его теснить. Но в ополчении началась разруха: предводитель его, рязанский дворянин Прокопий Ляпунов, был убит казачьим атаманом Иваном Заруцким и ополчение стало расходиться. Казаки опять принялись за свои грабежи.

Наступили самые черные, мрачные дни для России. Смоленск был взят поляками, Новгород - лжесоюзниками шведами, в Пскове появился новый самозванец. Прошел слух, что казаки хотят провозгласить царем сына Марины Мнишек и Тушинского вора. Тогда восьмидесятилетний Патриарх обратился из своего заточения к русским людям с последним своим призывом. "Писать в Казань к митрополиту Ефрему, - писал он в нем, - чтобы писал в полки к боярам и казакам, чтоб крепко стояли за веру и не пускали сына Маринки на престол, - не благословляю! Писать в Вологду к властям и святителю Рязанскому тоже, чтобы в полки писали и к боярам, чтобы уняли грабеж, влюли братство, клали живот за Дом Пречистая (так русские называли свою родину), как обещали. Да и во все города пишете, чтобы писали во все города, в полки и боярам, чтобы сына Маринки не пускали на престол. Говорить везде моим именем". Чувствуется, с какой лихорадочной поспешностью написано это послание и что ни одной минуты терять было нельзя.

Письмо это Патриарх послал с двумя верными смелыми людьми, которые, рискуя жизнью, тайно посещали его в его заточении. Он сам называет их "бесстрашными

людьми". Они приносили ему из городов грамоты, передавали его послания и исполняли устные поручения. Он им верил как прямым, отважным и верным людям. Потомство должно запомнить их имена: это были боярский сын, то есть военный, Роман Пахомов и посадский человек, то есть горожанин, из города Свияжска Родион Моисеев. О них Патриарх пишет в том же послании: "Прислать прежних, которых присылали ко мне с грамотами, "бесстрашных людей" свияжанина Родиона Моисеева и Романа Пахомова... А им в полках говорить бесстрашно, что Маринкин сын ненадобен... В города с грамотами посылать же и велеть говорить им моим словом. А вам всем благословение и разрешение в этом веке и будущем за то, что стоите за веру непоколебимо, а я должен за вас Бога молить",

Отпуская своих верных посланцев, Патриарх благословил их со словами: "Если вы пострадаете за веру, Бог вас простит и отпустит вам грехи ваши в сей жизни и будущей..." Действительно, сын Тушинского вора и Марины был ставленником казаков, и оба посланца знали, какая страшная опасность им грозила за это послание в казачьих таборах. Однако же послание Патриарха они за его молитвы благополучно принесли в Нижний Новгород 12 января 1611 г. Оно-то и вызвало знаменитое народное движение под предводительством Космы Минина и князя Пожарского, которое и спасло Россию. Из своей тюрьмы молился за них Патриарх. Современники говорят, что, когда он молился за родину, слезы градом струились по его лицу.

Как только в Москве узнали, что приближается новое ополчение, поляки и изменники приступили опять к Патриарху со своими домогательствами и угрозами. Но Патриарх сказал им: "Да будут благословенны те, которые идут освобождать Москву, а вы, окаянные изменники, будьте прокляты". Тогда начался мученический подвиг Святейшего Патриарха Ермогена. Его лишили

человеческого питания и с издевательствами бросали в его темницу сноп овса и немного воды. 17 февраля 1612 г. Святейший Патриарх Ермоген скончался от голода. Погребли его в Чудовом монастыре. Еще при жизни он успел распорядиться, чтобы в ополчение была принесена Казанская икона Божией Матери. 22 октября был освобожден Китай-город, а 26-го сдался Кремль. Но радость победителей была омрачена кончиной Патриарха. Первым в Успенский собор поспешно вошел в латах ближний его боярин - князь Хворостинин, бывший в ополчении, и взволнованно спросил: "Покажите мне могилу отца нашего! Покажите мне могилу начальника нашей славы!" И когда ему ее показали, он, припав к ней, долго и горько плакал.

Святейший Ермоген стал сразу же почитаться как местный московский святой. В 1652 г. мощи его были обретены нетленными и благоухающими и были перенесены в Успенский собор. После отступления Наполеона из Москвы в 1812 г. святые мощи его были найдены выброшенными из гробницы. В третий раз они

были обретены нетленными во время реставрации Успенского собора перед коронацией императора Александра III. К лику святых он был причислен 12 мая 1914 г. Чудесные исцеления, подаваемые им, никогда не прекращались. Так, незадолго до прославления его некая г-жа Гаух (в Москве) - бывшая уже в агонии, - после того как прочитали отходную,

вдруг села на кровати и протянула руки как бы для получения благословения. Придя в себя, она рассказывала, что ей явился Святейший Ермоген, велел ей молитвенно призывать его и сказал ей, что Господь ее спас и исцелил. Он трижды благословил ее и стал невидим. Все врачи признали выздоровление ее чудесным.

Во время торжеств прославления мощей новоявленного угодника Божиих чудес совершилось столько, что было невозможно их записывать, тем более что они творились в бесчисленной толпе у самой раки. Но по возможности их все-таки отмечали. Так, например, исцелился от костного туберкулеза восьмилетний мальчик Николай Гавельев, страдавший им с двух лет. Как только он приложился к раке святителя, он оставил свои костыли и ушел один, без посторонней помощи. Так же бросил свои костыли офицер, искалеченный в японскую войну, и ушел здоровым. Сохранился портрет Святейшего Ермогена: он изображен со строгим, проникновенным взглядом.

*Тропарь Ермогену, патриарху Московскому и всея Руси,
четворцу.*

Российския земли первопрестольниче и неусыпный о ней к Богу молитвенниче! За веру Христову и паству твою душу свою положив, царей наших державу утвердил еси страну нашу от нечестия избавил еси. Темже вопием ти: спасай нас молитвами твоими, священномучениче Ермогене, отче наш.

Тропарь Прославление

Приспе день светлаго торжества, град Москва радуется, и с ним Русь Православная ликовствует песнями и пеньми духовными: днесь бо священное торжество в явлении честных и многоцелебных мощей святителя и чудотворца Ермогена, якоже солнце незаходимое возсия светозарными лучами, разгоняя тьму искушений же и бед от вопиющих верно: спасай нас, яко предстатель наш, великий Ермогене.